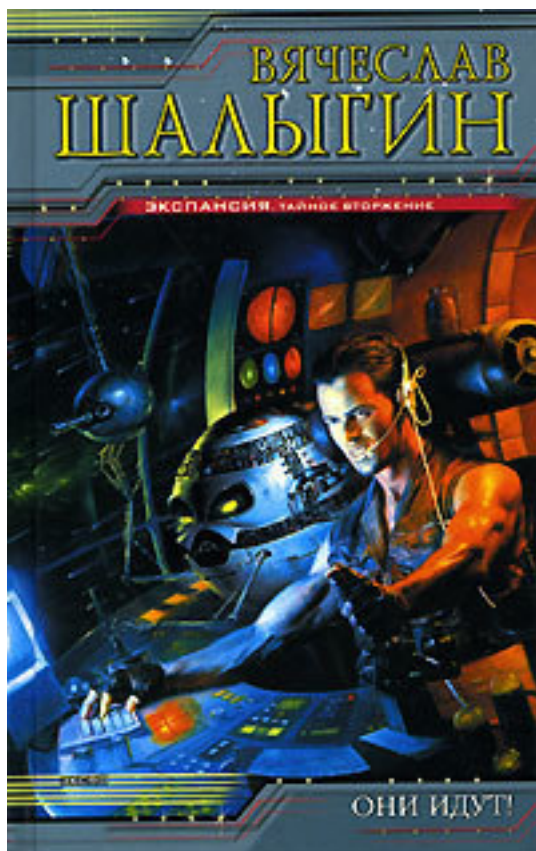

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЬГИН

ЭКСПАНСИЯ ТАКЖЕ ВТОРЖЕНИЕ

ОНИ ИДУТ!

Вячеслав Шалыгин

Сон грядущий

«ЭКСМО»

2000

Шалыгин В. В.

Сон грядущий / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2000

ISBN 5-699-15874-X

«Быть молодым и сильным хотя бы во сне – само по себе неплохо, но размах действия меня тревожил. Я прекрасно помнил, какими бывают обычные сны с фантастическими переплетениями сюжетных линий, неясными очертаниями декораций, обрывками фраз и непредсказуемым ходом событий. Последний раз я видел подобные сны еще до войны. Но вот однажды, десять лет назад, сновидения превратились из подсознательной мешанины в какой-то персональный телесериал о супергерое. Причем ощущения и образы казались настолько четкими и осязаемыми, что убедить себя в их недостоверности стоило большого труда. Непобедимый главный герой жил своей насыщенной событиями жизнью. Шпионил, дрался, играл, флиртовал, отстреливаясь, уходил от погонь и совершенно не сомневался в реальности окружающего мира. Каждый раз, стоило мне заснуть, он начинал новый день, полный действия, интриг и приключений...»

ISBN 5-699-15874-X

© Шалыгин В. В., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

1. Спящий	5
2. Второй	7
3. Охотник	9
4. Спящий	11
5. Второй	12
6. Охотник	13
7. Спящий	15
8. Второй... Спящий	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вячеслав Шалыгин

Сон грядущий

1. Спящий

Джунгли с шумом разрывал жестокий ливень. Земля, пенясь, выплевывала побеги и корни молодых деревьев. Взбесившийся ветер швырял струи дождя под головокружительными углами, не оставляя шансов укрыться от влаги под самым плотным листовым навесом. Потоки грязной воды, собираясь в небольшие речки, несли кучи мусора в отлогие места и устраивали там настоящие завалы из веток, листьев, обрывков лиан и травы. Натыкаясь на камни и толстые корни, вода закручивалась бурлящими водоворотами, вынося на поверхность трупки мелких грызунов, птенцов и насекомых. При порывах вой ветра переходил в леденящий душу свист, перекрывающий все остальные звуки. В мгновения затишья господствовал плеск и бульканье дождя. Изредка сквозь эту бесноватую музыку пробивались испуганные вопли животных и птиц, сбитых ливнем с казавшихся надежными ветвей в стремительно текущую грязь. Устав бороться, старые деревья теряли огромные сучья, которые, падая, хоронили под собой неокрепший молодняк и калечили ветви соседей. Не позволяя себе и секундной передышки, подбрюшьем туч разрывали белые трещины молний. Жадно вытягиваясь в сторону самых высоких деревьев, разряды дробили в труху их верхушки. Раскаты грома заставляли инстинктивно пригибаться, не отставая от вспышек более чем на секунду.

После очередного, особо мощного удара из окна дощатого домика вывалилось последнее стекло. Ветер и дождь не смогли заглушить прощальный звон, и, услышав его, я обернулся. Руководил мной скорее «старт-рефлекс», а не желание что-либо рассмотреть. Сквозь плотную завесу дождя проступал только силуэт хижины, хотя до нее было лишь пятьдесят шагов. Пятьдесят шагов... Безумно много.

Я совершенно выбился из сил. Чтобы устоять в доходящем до пояса свирепом грязевом потоке, приходилось перед каждым следующим шагом вонзять в вязкий грунт специально заостренный черенок тяжелого багра. Попытка воткнуть острие в более-менее твердые слои почвы требовала хорошего замаха, и как раз в этот момент все силы расходовались на элементарное удержание равновесия. Силы и без того скудные после трехдневного приступа лихорадки. Тем не менее я достаточно быстро приспособился к новым условиям передвижения, вошел в своеобразный ритм и через полчаса почти наткнулся на первый из расставленных в окрестностях хижины приборов. К моему удовлетворению, аппаратура была цела. С трудом открутив прижавшиеся винты, я снял приборчик с невесть как выдержавшего катаклизм штатива, отцепил обвившуюся вокруг пояса водяную змею и медленно двинулся в обратный путь.

Колени дрожали, а икры сводило судорогой от напряжения, но я преодолел эти долгие пятьдесят шагов и рухнул в крошечной прихожей хижины, едва не впечатав бесценную электронику в порог внутренней двери. Тяжелый гидрокостюм притягивал уставшее тело к мокрым доскам пола. Ветер с грохотом захлопнул входную дверь и тут же, вернувшись сквозняком в разбитое окно, вновь раскрыл ее настежь. Через какое-то время я очнулся от полубытья и почувствовал, что в состоянии подняться. Правда, не более того. Тяжело дыша, я дополз до стоящей у окна кровати, взгромоздился на нее и, отдавая последние силы, потянул рычаг, закрывающий ставни. Удары тяжелых створок и стремительно захлопнувшейся без поддержки сквозняка двери слились в оглушительный дуплет.

Я откинулся на жесткое ложе походной кровати и прерывисто вздохнул. Наступившая темнота все еще играла белыми бликами, но это были не вспышки молний, а память усталых глаз. Для верности я прикрыл глаза тыльной стороной руки и начал погружаться в сон. Беспорядочно

койный, тревожный, волнующий. Где я был совсем не тем тщедушным и болезненным естествоиспытателем, что наяву. Где я был героем.

Быть молодым и сильным хотя бы во сне – само по себе неплохо, но размах действия меня тревожил. Я прекрасно помнил, какими бывают обычные сны с фантастическими переплетениями сюжетных линий, неясными очертаниями декораций, обрывками фраз и непредсказуемым ходом событий. Последний раз я видел подобные сны еще до войны. Но вот однажды, десять лет назад, сновидения превратились из подсознательной мешанины в какой-то персональный телесериал о супергерое. Причем ощущения и образы казались настолько четкими и осязаемыми, что убедить себя в их недостоверности стоило большого труда. Непобедимый главный герой жил своей насыщенной событиями жизнью. Шпионил, дрался, играл, флиртовал, отстреливаясь, уходил от погонь и совершенно не сомневался в реальности окружающего мира. Каждый раз, стоило мне заснуть, он начинал новый день, полный действия, интриг и приключений. Хуже всего было то, что я не мог выключить этот внутренний телевизор и вынужденно сопереживал герою уже десять лет. Сэм, так его зовут. Или меня? С какой стороны посмотреть...

2. Второй

«По бледно-голубому небу, лениво клубясь, плывут редкие розоватые облака. Сердитое красное солнце испаряет жалкие лужицы с недавно политого уборочными машинами асфальта. Обожженная листва невысоких кривых деревьев вяло колеблется от едва заметного ветерка. Портовый городишко урчит тысячами сытых желудков, шипит раскаленными сковородками, пытит паром кастрюль и чайников. Изредка шуршат шаги спешащего к обеду жителя и мелодично позвякивают колокольчики входных дверей. Опоздавших к обеду очень мало. Как вязкий морок, городок окутывает сиеста. Вернуться к делам никто особо не спешит.

Во всех ресторанах, ресторанчиках, кафе и забегаловках граждане расслабленно слизывают десерт и с тоской созерцают залитые полуденным зноем улицы. Пребывая от сытости в благодном оцепенении, они считают любого, дерзнувшего сменить прохладу заведения на солнцепек, особо опасным безумцем. Прослыть таковым никто не решается, и потому, по мере усвоения десерта, на свет извлекаются газеты, сигары, сигареты, окурки – кто чем богат, и сиеста продолжается.

«Жирные лентяи, – негодует в душе Сэм, – мне что теперь, до заката здесь торчать?» Он едва не подпрыгивает от переполняющего нетерпения. Стоит пройти каких-то два квартала, и он у цели, но передвигаться по абсолютно пустой улице человеку, столь известному местной контрразведке, не так-то просто. Грим отпадает по двум причинам: во-первых, его негде взять, во-вторых, даже на этой заштатной планетке повсюду установлены новейшие сканеры «анти-киборг», что с пяти-шести метров способны разглядеть глазное дно. У Сэма там, конечно, не видеоэлементы, а нормальная сосудистая сеть, как у всех людей, вот только ее рисунок чрезвычайно хорошо известен главному компьютеру федеральной контрразведки. Как и отпечатки пальцев, голос, походка и масса других примет.

Разыскивают Сэма уже давно и активно. Но, несмотря на этот прискорбный для большинства агентов факт, Сэм остается вполне действующим разведчиком Империи в стане федералов. «Хотя какое мне дело до политики? Имперская разведка платит больше, а работать заставляет только изредка, правда, в безнадежных случаях, но для меня-то любая безнадежность лишь щекотание нервов», – размышляет Сэм, провожая взглядом патрульную машину. Она медленно катится вниз по улице, приликая шинами из дрянной резины к горячему асфальту. Как раз к тому месту, куда стремится попасть агент. Сэм вновь принимается ерзать в скрипучем кресле, зарабатывая тем самым пару неодобрительных взглядов разнеженных соседей. На жарком Трилане, особенно в маленьких и пыльных городках, не принято проявлять нетерпение. Таким поведением можно уронить свое достоинство «ниже уровня моря на уровень неба». Сэм вспоминает эту витиеватую местную присказку и замирает, чтобы не выделяться на фоне дремлющей публики, изображая полную безмятежность. А это стоит ему серьезных усилий.

Конец ночи и половина утра прошли очень спортивно. Началось все с облавы. Правда, она была настолько бестолковой, что Сэму не довелось даже пробежаться. Он спокойно вышел через черный ход и, попрыгав немного по плоским крышам, очутился в предрассветном сумраке пригорода. Попетляв для верности по узким улочкам, он поднялся в квартал побогаче и поближе к месту, где собирался прихватить «попутный груз» в виде мешочка «сон-травы». Все, начиная с самого шефа, в имперской военной разведке давно махнули рукой на увлечение Сэма контрабандой. Тем более что основному делу оно не мешало, а эффективность Сэмова таланта была огромна.

Из состояния влюбленного самосозерцания Сэма выводит впившийся в зрачок солнечный зайчик. «Засекли», – мелькает запоздалая мысль. Невдалеке подстреленным ослом ревет своеобразная полицейская сирена триланийцев. Казавшийся секунду назад бесформенным от

обжорства сосед вдруг привстает и, по-идиотски скалясь, направляет на Сэма ловко выуженный из-под мышки кинетический пистолет.

– Очень смешно, – как бы обиженно тянет Сэм и весьма банально переворачивает на соглядатая обеденный стол.

Пистолет натужно воеет, и деревянный стол с пятисантиметровой мраморной столешницей превращается в щепки и щебень, еще не достигнув высшей точки своего полета. Сэм бросается на пол, перекачивается в сторону и выхватывает из кобуры свою версию кинетического оружия. По ту сторону тонированной витрины ресторана визжат тормоза полицейской машины. Стражи порядка приоткрывают лобовое стекло и выставляют из-под него стволы винтовок. Вокруг Сэма пускаются в пляс красные точки лазерных систем наведения. Из клубов мраморной пыли, кашляя, выползает шпик. На принятие решения времени не остается. Практически его не остается и на действие. «Но не для великого шпиона», – Сэм ухмыляется, поднимая пистолет. На три выстрела уходит доля секунды. За это время первая игольчатая пуля прерывает сытую воинственность врага внутри помещения, а две последующие прошивают снайперов в машине чуть ниже нагрудных значков. До прибытия остальных законников остается не менее минуты. Сэм не спеша обводит взглядом предусмотрительно лежащих на полу посетителей. Больше никто ему мешать не собирается. Агент машет на прощание рукой дрожащему официанту, а тот в ответ почему-то исполняет книксен. Шпион многозначительно кривится и выходит на улицу сквозь разбитую витрину.

В знойном воздухе мечется, то усиливаясь, то затихая, суматошная перекличка сирен. Погоня Сэма не беспокоит. Все собранные сведения он отправил в центр еще вчера, и потому перед ним стоит простая задача – унести ноги. А для этого ему надо сделать только одну вещь: всего-навсего заснуть. Без «сон-травы». В разгар дня и с запредельным количеством адреналина в крови.

«Что за паршивая жизнь, – раздраженно думает Сэм, выворачивая карманы и собирая на листок газетной бумаги крупинки забившейся в швы «сон-травы», – сплошная беготня, пока не спишь. Заснешь – и того хуже: скука смертная».

Триланйцы почти смыкают кольцо вокруг закопченных развалин старинного здания порта, где притаился Сэм. Он наконец сворачивает самокрутку и закуривает, вознося хвалу отсталости Трилана, где газеты печатают на бумаге, а не на пластиковых кристаллах. Сэм садится на грудку битого кирпича и глубоко затягивается едким дымом. Солдаты подкрадываются, двигаясь короткими перебежками от завала к завалу. «Как дети малые», – шпион усмеяется, делая вторую затяжку. Сознание затуманивается, конечности, кажется, теряют вес, по телу разливается приятная истома. Сердце замедляет ритм. Голова Сэма плавно опускается на грудь, а губы медленно размыкаются, выпуская гаснущую сигарету. Триланйский солдат направляет винтовку на засыпающего врага и замирает с отвисшей челюстью. Выскользнувший на струйке слюны окурочок пролетает сквозь тело Сэма и шипит, попав в лужицу у основания мусорной кучи. Сэм из плотного материального объекта медленно превращается в полупрозрачный студень. Спустя полминуты он становится совсем прозрачным, а когда солдат приходит в себя и догадывается нажать на спусковой крючок, пуля взметает лишь облачко пыли. От шпиона остается только вмятина на песке.

Солдат растерянно озирается и встречается взглядом с высоким человеком в форме капитана федеральной контрразведки. Перед столь высоким начальством воин вытягивается, не смея шелохнуться. Капитан молча отстраняет рядового в сторону и, медленно присев на корточки, поднимает окурочек. В холодных голубых глазах офицера читается мрачная задумчивость. Он еще долго сидит, разминая в сильных пальцах промокший конгломерат из травы и старой газеты, затем, словно приняв какое-то решение, резко поднимается и идет через пустырь к военной площадке старого космодрома...»

3. ОХОТНИК

Четвертая гражданская война была в самом разгаре. Конечно, разгар – определение, не совсем подходящее для позиционной фазы войны, но по напряжению, которое выворачивало обе противоборствующие стороны наизнанку, по накалу страстей и количеству участников, доселе не виданному, действо следовало называть именно разгаром. Огромные транспорты доставляли в зоны боев снаряжение, продукты, пополнение. Линкоры и крейсера сходились в жестоких схватках, нанося чудовищные повреждения, но не уничтожая друг друга потому, что технологии защиты звездолетов опережали технологии вооружения и у тех, и у других. Разведки разыгрывали бесконечные шахматные дебюты, обрываемые контрразведками на различных по счету ходах или зависающие в миттельшпиле от недостатка средств. В центральных районах галактики и граждане Федерации, и подданные Империи почти забыли, что такое воздушный налет или обстрел. Бои велись в глубоком космосе и на далеких колониях. Но худшее было впереди. С фронтиров все чаще поступали тревожные сведения о нападениях небольших отрядов чужаков, так называемых «чернокрылов», уничтожающих всех и вся без определения политических пристрастий. Им хватало факта принадлежности к человеческой расе. Но и перед лицом интервенции гражданская война не утихала.

Главный компьютер орбитального командного пункта федеральной контрразведки подтвердил стыковку. Капитан Рой выбрался из узкого для его комплекции кресла и, сотрясая тяжелой поступью челнок, прошел в шлюз станции. Внутренние двери плавно отъехали вправо, открывая доступ в длинный коридор с дурацким прорезиненным полом, идиотским освещением и бездарно намалеванными инструкциями на стенах. Капитан был настолько зол, что его раздражало все, вплоть до идеально чистого воздуха на станции. «Как можно жить в такой вони?» Он размашисто шагал, непрерывно играя желваками и бросая злобные взгляды на всех встречных независимо от звания и пола. Дойдя до нужной двери, он с трудом подавил желание разнести ее мощным пинком и отвел душу, нанеся кулаком прямой удар в кнопку звонка. «Войдите», – послышалось из-за двери. Рой шумно выдохнул и последовал совету.

Шеф федеральной контрразведки был толст, лыс и, по твердому убеждению капитана, беспредельно глуп. Его печальные карие глаза находились в постоянном движении, неизменно заканчивающемся на бюсте секретарши, облаченной в сильно декольтированную и укороченную версию флотской униформы. Капитан же, по мнению шефа, был человеком искренним, чуть прямолинейным, но честным и преданным. Поэтому Рой позволял себе массу вольностей, которые шеф ему всегда прощал.

– Пусть эта... эта... пусть выйдет, – так и не подобрав эпитета к секретарше, потребовал капитан.

– Ну зачем ты так? Помягче, сынок, помягче. Сержант у нас все-таки противоположный пол, – пожурил Роя шеф.

– Противоположный пол – это потолок, особенно в армии, – отмахнулся капитан, усаживаясь в кресло перед столом «под дуб» и закуривая трофейный «Camel». – Эти триланийские болваны снова его проворонили.

– Ай-яй-яй, – начальник добродушно покачал головой. – Ну а ты что же?

Он неопределенно помахал рукой над лысиной.

– Я, – Рой хмыкнул. – Я ничего. Зачем мне тогда спецполномочия на привлечение к операции всех этих местных гениев сыска? Я его выслеживаю, они – хватают. Что может быть проще?

– Ты сам займешься и тем и другим, – неожиданно твердо сказал шеф. – Слишком много неприятностей от этого парня. Да и некрасиво получается. Мы знаем о нем почти все: как выглядит, что любит, с кем встречается, я уж не говорю о технических деталях, вроде отпечат-

ков пальцев. Ловим его десять лет подряд, а в результате – ноль. Капитан руководит поимкой одного-единственного шпиона. Капитан, замечу, толковый. Но где рапорт о задержании? На моем столе его нет. Вот ты говоришь, что выслеживаешь. Верю. Но если выследил, то и добудь. Как говорится, живым или мертвым. Впрочем, нет. Исходя из ситуации, мертвым будет вполне достаточно.

Рой слегка опешил. Он никак не ожидал от шефа такой реакции. Неужели этот неуловимый шпион натворил что-то серьезное, о чем не знал капитан?

– Ступай, сынок, – уже мягче добавил начальник, вновь взмахнув пухлой ручкой.

Сообразив, что в прения вступать не стоит, Рой встал и, держась подчеркнуто прямо, вышел. Кровь стучала в висках, гнев дробил мысли на бессвязные осколки фраз. «Лучше бы лекцию прочел!» Краткость полученного выговора бодрила сильнее литра кофе.

Рой не помнил, как оказался в офицерской кают-компании. Автоматически нащупав кнопку раздачи бара, он влил в стакан три порции виски и проглотил жидкость, не чувствуя вкуса. Когда капитан немного пришел в себя, переполненное помещение погрузилось в тишину. Свободные от вахты офицеры молча смотрели на светловолосого гиганта, задумчиво растирающего в пальцах осколки стеклопластикового стакана в стеклопластиковый порошок. Во всей фигуре Роя угадывалось такое смертоносное неудовольствие, что менее смелые потихоньку потянулись к выходу. Вскоре в кают-компании не осталось ни одного желающего выяснить, чем же так расстроен капитан. Ничуть не удивившись поведению сослуживцев, Рой сел за ближайший столик и набрал на контрольной панели код вызова тактической карты галактики. Он чувствовал приближение момента озарения, благодаря которому и стал незаменимым контрразведчиком. Озарение приходило в виде мутной картинки, шепота, проникающего в сознание, минуя уши. Он погрузился вместе с кем-то в сон и почти сразу просыпался, успевая за этот отрезок времени заметить главное. Место. Место, где в данный момент находился объект его постоянного служебного интереса – имперский шпион Сэм по кличке Попрыгун.

Рой никогда не задумывался над уникальной способностью Сэма появляться в разных местах, расположенных друг от друга на огромном расстоянии, спустя лишь несколько часов. Возможно, в распоряжении агента был какой-то секретный корабль. О том, что агент растворяется в воздухе, твердили все свидетели, но сам капитан этого не видел ни разу. Рой считал, что собрал слишком мало информации для анализа, и принимал события, как они есть. То же относилось и к собственным талантам капитана. Являлся ли Рой кем-то вроде персонального телепата для Сэма, или ключ ко всему лежал не здесь? В чей сон встречал Рой в моменты озарения? Неплохо было бы его разыскать, но эта задача для капитана оставалась неразрешимой. Слишком дисциплинированным оказался засыпающий. В момент озарения, после того как удавалось ухватить кусочек сна о Сэме, Рой всегда видел одну картину: низкий деревянный потолок, грубые ставни и армейская койка, накрытая серым шерстяным одеялом. Ни пейзажа, ни звуков, характерных для какого-то определенного мира. Только свист ветра и шелест листья. Компьютер выдавал на дисплей названия сотен планет, имеющих в активе подобные звуки.

Впрочем, чего стоили все размышления после недвусмысленного приказа начальника? Капитан подпер голову тяжелой рукой и замер, уставившись в глубь трехмерной проекции над столом. Звезды игриво подмигивали, не спеша вращаясь вокруг центра настольной галактики. Розовые трассы караванных путей образовывали замысловатую сеть по краям и резко обрывались или меняли цвет на зеленый у границ Империи. А в одном из рукавов пульсировало черное облако – предположительное место скопления флота «чернокрылов». «Вот с кем воевать надо, – мелькнула мысль, – а мы...» Додумать капитан не успел. Пришло озарение.

4. Спящий

Разбудила меня тишина. Я чуть было не запаниковал, опасаясь, что оглох. Но когда остатки сна испарились, я смог различить звуки капли и робкий шелест листьев. Ураган ушел. Впереди вырисовывалась пара часов безветрия. Для планеты с вечно ревушим ветром, постоянным дождем и возведенной в степень скукой затишье являлось редким и чрезвычайно ценным развлечением.

Я включил дряхлый генератор и осмотрелся в желтом мигающем свете. В углу возвышалась груда прорезиненного кошмара. Я совсем не помнил, как снимал гидрокостюм. Прислушавшись к своим ощущениям, я отметил, что усталость не выворачивает суставы и не рвет перетруженные мышцы, хотя и отдохнувшим я себя не чувствовал.

Тяжело поднявшись, я побрел в крохотный душевой отсек. В мутном зеркале над раковиной застыло измученное лицо. «Страдание, картина неизвестного художника», – мысленно пожалел я себя. Худое удлиненное лицо заросло недельной щетиной. Зеленые погасшие глаза глубоко запали, губы, и без того тонкие, сжались в упрямом отрицании. Отрицании чего? Отшельничества, одиночества? Я не знал. Иногда я даже не мог вспомнить, кто я, и очень часто – зачем я здесь. Ночные видения изматывали, словно вместо отдыха я действительно бегал по крышам, стрелял, занимался любовью, выигрывал и проигрывал. Проигрывал, кстати, только нарочно, из экономических или политических соображений.

Дрожащей рукой я включил душ и замер, блаженно прикрыв глаза под теплыми чистыми струйками. Столько лет в изоляции. Днем выживание в джунглях, ночью – среди звезд. Если существует физическая грань нервного срыва, то я не переступил ее, а перепрыгнул на рекордное расстояние. Теперь следующая – грань сумасшествия? Или я и ее преодолел, не заметив? Сквозь шум душа пробился посторонний звук. Снова катаклизм? Я лениво повернулся к горячим струйкам спиной. Нет, шаги. Впрочем, чьи? Ерунда это, на всей планете, кроме меня, нет ни одного человека. Просто засыпаю. Расслабился, видимо. Понежившись еще с минуту, я заставил себя выключить душ. В наступившей звуковой паузе, под аккомпанемент вновь припустившего дождя, ясно слышались удаляющиеся с громким хлопаньем шага человека. Или, по крайней мере, кого-то двуногого. Это меня встревожило. Я долго стоял в дверном проеме, вглядываясь в прошитую дождем темноту. Нервы успокоились не скоро. Постепенно вернулась усталость. Защищало веки. Руки и ноги налились тяжестью. Пошатываясь, я добрался до кровати и, рухнув на нее, мгновенно заснул...

5. Второй

«С добрым утром, – бурчит Сэм, приветствуя сам себя, – если оно, конечно, доброе». Он пробует открыть глаза и убеждается, что поправка весьма кстати. Открывается только правый. Левая половина тела, от макушки до пятки, крепко вмурована в ствол огромной сосны. Такое случается. Редко, но случается. Однажды он проснулся по пояс в остывшей лаве на склоне какого-то вулкана. В тот раз он потратил половину дня на то, чтобы вызволить себя из плена, благо что плазмонаж висел не на бедре, а под мышкой. Сейчас капкан может оказаться и посерьезнее – и нож, и пистолет находятся слева, то есть в сосне.

От охватившего волнения дыхание Сэма учащается, и он чувствует нарастающий дискомфорт. Нечто похожее на легкую форму клаустрофобии. Используя все возможности мышц, двигающих глазным яблоком, Сэм пытается осмотреться. Чахлая фиолетовая трава, красноватое небо, редкие деревья внушительных размеров, того же вида, что и приютившая Сэма сосна. Не слишком яркое светило, а рядом с ним, чуть ниже, еще пара звезд – небольших, темно-красных, но отчетливо различимых и сейчас, в разгар дня. Сэм бывал на этой планете, возможно, не раз, но, прежде чем он вспоминает ее название, откуда-то из глубины дерева доносится: «планета Сингл».

– Надо же, говорящее дерево, – с сомнением мямлит Сэм половиной рта.

В ответ раздается хриплый смешок, и голос исчезает. Что-то в интонации древесного голоса кажется Сэму знакомым. Время идет. Светила медленно ползут по вечнозакатному небосклону. К переживаниям по поводу природного плена присоединяется беспокойство другого рода. Сингл находится практически в центре Федерации, а стратегическими объектами он нашпигован настолько, что гражданские корабли не подпускают к нему и на световой год. Остается надеяться на невнимательность патрулей и собственную выдержку.

Сэм тщетно пытается убедить себя в необходимости сна, но, как назло, тело пронзают вихри растраченной энергии.

От медитации его отвлекает парочка перепончатокрылых тварей, стремительно пикирующих откуда-то сверху. Представители местной фауны, похожие на помесь вороны и летучей мыши, приземляются в трех шагах от странного человекодеревя. Они озадаченно прогуливаются вокруг, явно пытаясь оценить пищевую ценность сверкающего почти из ствола голубого глаза Сэма. Наконец одна из них, осмелев, без разбега взлетает на высоту человеческого роста. Сэм проводит молниеносный удар правой, и сбитый агрессор катится кувыркком по примятой траве. Спустя несколько секунд подбитая «ворона» встает на лапы, встряхивает шерсть и, прихрамывая, вразвалочку возвращается на исходную позицию рядом с напарницей. Все, что им было нужно, выяснено: человек жив, а значит, временно недосыгаем. «Ну ничего, будем ждать», – говорят позы мышеворон, усевшихся почему-то не на ветках, а прямо на земле. Сэм при помощи неприличного жеста выражает свое мнение об их затее и снова погружается в борьбу с самим собой. Но сон так и не идет...»

6. ОХОТНИК

Грохоча тяжелыми ботинками даже по шумопоглощающему полу, как камнедробилка, в рубку дежурного вломился капитан Рой.

– Планета Сингл, – от его рева у экипажа на секунду пропал слух. – Приоритет – ноль!

Спустя час корабль вывалился из портала на орбите Сингла, а еще через час, ведомый только чутьем, Рой посадил челнок в ста метрах от сосны-гибрида. При его приближении «вороны» нехотя попятнулись и в конце концов лениво вспорхнули на ветку ближайшего дерева.

– Хугин, Мунин, Иггдрасиль, – на манер детской считалочки пропел Рой и усмехнулся.

– Если бы ты действительно был силен в скандинавском фольклоре, то заметил, что это сосна, а не ясень, да и я не Один, – промычал в ответ Сэм.

– Образованный, – с издевкой хохотнул капитан, приседая на корточки в паре метров от Сэма. – Я знаю, что этот глаз у тебя не единственный. Я вообще много чего о тебе знаю. Может быть, кроме того, как ты умудрился влезть в это бревно, я знаю все. Самое главное...

Выдерживая паузу, Рой сорвал фиолетовую травинку, пожевал ее и, задумчиво прищурясь, сплюнул на торчащий из земли толстый корень.

– Сегодня явно не твой день, Сэмми, – почти искренне посочувствовал он агенту.

– Дни насыщены, но преходящи, – философски изрек Сэм, силясь сопоставить идентичность голоса капитана и дерева, а также его появление здесь со здравым смыслом. Получалось с трудом и неубедительно.

– Верно, только не для тебя, – Рой выразительно покосился на свою кобуру. – Тем не менее, раз уж я тебя поймал, то не прочь поболтать.

От капитана веяло удовлетворением и фантастическим самодовольством. «Если бы не случай, хрен бы ты меня поймал», – подумал Сэм, но вслух как можно более миролюбиво предложил:

– А может быть, ты меня для начала выпилишь?

– Ни в коем случае, – Рой вновь расплылся в улыбке. – Я же не папа Карло.

– Ха-ха-ха, – язвительно пробурчал Сэм, понимая, что влип.

– Ты осознаешь, что, мягко говоря, необычен? – вдруг перешел к делу капитан.

– Даже гениален, – ответил Сэм, вяло махнув рукой.

– Это спорный вопрос, но что-то в тебе есть. Где твой корабль?

– Он мне не нужен.

– Я так и предполагал. Получается, что ты попал сюда без помощи технических средств, а это нечто новенькое, и мне страшно хочется узнать, что?

– Самому хочется, – Сэм говорил чистую правду, но капитан ему не поверил. Это было видно по глазам.

– Ты неуловим. В твоём паспорте нет ни одной визы, да и существует ли паспорт – я сомневаюсь. О тебе ходят невероятные легенды. Большинство специалистов сходится в одном: нормальному человеку твои подвиги не под силу, однако ты не похож ни на чужака, ни на неоформа со Старой Земли. Кто же ты? Остается одно – призрак. Тебя просто нет.

– Что же тогда торчит из дерева перед твоим носом, капитан? – Сэм почти взял себя в руки и попытался сосредоточиться на странных умозаключениях Роя.

– Не знаю, – пожал плечами офицер. – Может быть, галлюцинация...

– Разрешаю потрогать, – Сэм небрежно протянул капитану руку, проигрывая в уме несколько вариантов атаки из столь неудобного положения.

Рой подался было вперед, но, передумав, остался сидеть в прежней позе.

– Не бойся, капитан, я не болотная гадюка, – Сэм рассмеялся. – В любом случае, у тебя нет другого способа проверить, все ли в порядке с твоей головой.

Вместо ответа Рой вынул из кобуры пистолет и прицелился в Сэма. Немного поколебавшись, он чуть опустил ствол и раздраженно произнес:

– Я очень не люблю, когда меня задевают, Сэм. По сути, мне абсолютно неинтересно, что за вид нечисти представлен тобой в нашем странном мире. У тебя скверная репутация и длинный список приговоров. Так что... именем Федерации... впрочем, это будет даже не казнь, а скорее – дератизация. Прощай.

– И ты не попытаешься перекупить меня? – запаниковал Сэм.

– Нет.

– Исследовать в военных целях...

– Нет.

– Попытать, в конце концов...

– Я лишь восстанавливаю простой порядок: человек от человека, – туманно пояснил капитан и, резко вскинув пистолет на уровень глаз, нажал на спусковой крючок.

7. Спящий

Проснулся я оттого, что тело мое прошила адская боль. Ноги переплелись. Мышцы спины напряглись так, что захрустели позвонки. С губ потекла обильная белая пена. Пальцы невольно вцепились в перекладины кровати и побелели от усилия. Скрипнули, крошась, зубы. Из горла сам собой вырвался глухой стон. На несколько секунд я замер на страшном и нелепом борцовском «мостике», а затем с грохотом свалился на земляной пол рядом с кроватью. В глазах стремительно темнело, но я еще мог различать очертания предметов. Я окончательно обмяк и стал медленно таять, подобно куску сахара в горячем чае. Забытье пришло, слава богу, в самом начале этого процесса.

8. Второй... Спящий

Сознание вернулось верхом на потрясающей головной боли. Конечности почти не откликнулись на призывы. Меня сотрясала лихорадка, да еще то, в чем я находился, раскачивалось, как лодка в приличный шторм. Ужасно тошнило. Постепенно чувствительность вернулась, и мое брненное тело заработало почти по-прежнему. То, в чем я ехал, вернее, летел, прекратило раскачиваться и мягко приземлилось. Я попытался проанализировать последние события и с ужасом осознал, что не помню ничего. Я сделал над собой усилие и сосредоточился. Память проснулась внезапно, но не вихрем злобы и ненависти к капитану, а зловещей решимостью. Найти и... К черту все и всех! Главное – найти этого садиста!

– Просыпайся, Попрыгунчик, – раздался хриплый басок, – приехали.

Я нехотя открыл глаза и оглянулся. В предрассветном сумраке с трудом просматривались силуэты однотипных зданий, судя по запущенному виду, давно покинутых. Серые панельные стены и никаких особых примет. Интересно, где я?

Я внимательно осмотрел свою униформу. Всякий раз при пробуждении она была новой, чистой и укомплектованной в соответствии с предстоящей миссией. Последний раз на мне была форма вражеского капрала, поскольку проснулся я на Сингле, и если бы не случайность... Сейчас я был одет в свой нормальный имперский боевой костюм, что означало либо отпуск, либо перевод в контрразведку. Но подобный поворот дела, прежде всего, означает, что я утер тому капитану нос! Я жив! Я тот же Сэм, живой и невредимый!

– Идем, – прервал мою восторженную бурю мыслей уже знакомый хриплый голос.

Я оторвал взгляд от пейзажа и посмотрел на говорящего. Высокий парень в форме сержанта разглядывал в свете подствольного фонаря надпись на стене дома, уже не обращая на меня никакого внимания. Это была чрезвычайно сложная идиома на полузабытом языке. Дословно перевести ее я бы не смог, но смысл уловил сразу. А также понял, где нахожусь и каким, в общих чертах, будет мое задание.

Земля. Покинутая триста лет назад всеми рассудительными людьми колыбель человечества. Я, видимо, в патруле «чистильщиков».

Весьма глупое и расточительное занятие – чистить гниющую могилу, но имперское правительство уже многие годы пыталось восстановить экологию Земли и устроить на ней нечто вроде музея. Однако сохранившиеся на «грешной» мутации не желали «чиститься», а, наоборот, уверенно плодились и размножались. За три столетия они создали настолько жизнеспособный биоценоз, что все попытки правительства вернуть планете прежнее лицо терпели сокрушительное поражение. В затянувшемся противоборстве старых и новых жителей планеты чаша весов все более склонялась на сторону новых, так называемых «неоформов».

Стремительно развивались смертельные для обычного человека виды животных, насекомых и растений. Поговаривали и о совершенно невероятных вещах. Будто бы многие руины городов, кишевшие новоиспеченными землянами, обретали черты симбиотического разума. Они не просто руководствовались логикой совместного проживания разных существ, а восстанавливались и росли без помощи извне. Каким образом – версий не было. Почти ежедневно на пустырях или бывших автострадах появлялись новые дома или мосты. Бессмысленное на первый взгляд событие, но со спутника было видно, какие сложные и правильные узоры образуют «новостройки». Стоило в городе появиться человеку, как узор менялся. Правда, на поверхности это выглядело менее эстетично: на голову гостю сыпались кирпичи, рушились бетонные стены и заборы, проваливались на несколько метров асфальтовые тротуары. В довершение из всех щелей выползали злобные твари самых разных мастей, но с одной целью – вцепиться острыми зубами в любую доступную часть тела. Тупое упрямство чиновников оставалось единственной причиной содержания на Старой Земле нескольких унылых гарнизонов

национальной гвардии. «Чисткой» они толком не занимались, а отозвать их не позволяла великоимперская гордыня.

Все эти пришедшие на память факты значительно поубавили восторг от чудесного воскрешения. Может быть, к моей пресловутой неуловимости и прибавилась неуязвимость, но проверять предположение экспериментально мне не хотелось. Людей на Земле пыталось убить буквально все. Я с надеждой обернулся на покинутую нами машину. Нет, в ней больше никого не было. Я действительно попал в патруль. Нас было только двое.

Вздохнув, я поправил боевой шлем и вошел в подъезд дома следом за Сержантом.

– Пришел старичок и молвит человеческим голосом, – мой спутник, оказывается, уже подобрался к середине предыстории нашего задания, а я только сейчас заметил, что он вообще говорит, – живу уже двадцать лет на границе нормозоны, а ни с чем таким-этаким не сталкивался. Врет, конечно, шельма. Но больно любопытно стало, говорит, отчего дом по ту сторону запретной линии, аккурат напротив моего, со стеклами. Во всех, видишь, ни стекол, ни дверей, ни крыши даже, а этот – как новенький. Ну и сунулся дедок куда не следовало. Вот, это здесь. Подожди...

Мой спутник несколько секунд повозился с замком, и тяжелая железная дверь бесшумно распахнулась.

– Даже не скрипнула, – шепнул я, на что напарник выразительно выгнул одну бровь.

Он начинал мне нравиться. Высокий, крепкий, с грубоватыми, но правильными чертами лица и умными серыми глазами. В походке и движениях угадывался немалый опыт подобных операций. И все же веяло от него не надменностью ветерана, а участием и готовностью поделиться знаниями.

– А что с дедком-то? – вполголоса поинтересовался я, пока мы стояли в коридоре, привыкая к темноте.

– Помер, вестимо. Не мгновенно, конечно, рассказать все успел, но к вечеру помер, – отозвался спутник, сопя над замком двери первой из двух имевшихся на этаже квартир.

После кромешной тьмы коридора к полумраку комнаты глаза привыкли сразу. Я с энтузиазмом принялся осматривать то, что меня окружало, но быстро успокоился. Собственно, ничего стоящего не было. Какой-то прогнивший диван и обломки чего-то деревянного, возможно шкафа. Роль шторы на действительно застекленном окне играл толстенный слой пыли. Посреди комнаты, сложив ноги по-турецки, сидел человек. Истлевшие клочки ткани вокруг него походили на остатки одежды. Человек, несомненно, был жив. Грудь равномерно поднималась и опускалась. Едва заметно, но бесперебойно. Голубоватые веки чуть дрожали. Кожа была землистого оттенка, но все-таки не слишком отличалась от нормальной. Я мысленно перебрал известные мне неоформы земной жизни и не нашел ни одной подходящей. Только человек. Мой напарник молчал, размышляя, вероятно, о том же. Я шагнул к сидящему и протянул руку к сонной артерии, в надежде найти пульс. На полпути моя рука замерла, и я обернулся к Сержанту.

– От чего, говоришь, старичок помер?

Спутник пожал плечами и отрицательно покачал головой.

– Он клялся, что ни до чего не дотрагивался.

Я в сомнении обошел сидящую фигуру и, решившись, приложил пальцы к землисто-серой шее. Пульс был слабым.

– Двадцать, – наконец сосчитал я и повернулся к объекту исследования спиной. – Не густо. До завтра он, надеюсь, никуда не денется?

– До сих пор не делся... – начал было напарник, но вдруг его лицо приняло крайне озабоченное выражение.

Он попятился, глядя через мое плечо и расстегивая на ощупь кобуру. Я, последовав его примеру, схватился за оружие и резко обернулся.

Серый человек стоял в полный рост, заложив руки за спину, и с любопытством разглядывал меня с ног до головы. На тонких чертах его лица играли полутени. Темные губы сложились в подобие улыбки.

– Глаза, – еле слышно выдохнул за моей спиной Сержант.

Я взглянул «человеку» в глаза и почувствовал своего рода облегчение. Абсолютная чернота, без всяких признаков разделения на зрачок, радужку или белки... Типичные очи типичного монстра. Ликвидация будет считаться не убийством, а «чисткой». Память услужливо подсунула недавнюю сцену на Сингле. «Хугин, Мунин, Иггдрасиль». Черт возьми! Я заговорил словами того капитана. Не убийство, а «чистка». Я почувствовал, как от лица отхлынула кровь. В голове крутилась смутная мысль о некоей связи между словами федерала и моими, но ухватить ее я почему-то боялся.

– Дай сигаретку, – как-то обыденно попросил «серый».

Я не видел смысла отказывать в просьбе. Парень выглядел не опасным. Щелкнула зажигалка. «Человек» глубоко затянулся и с видимым удовольствием выпустил густую струю дыма мне в лицо. Краем глаза я заметил угрожающее движение Сержанта и остановил напарника едва уловимым жестом.

– Не разучились еще... – Незнакомец сладко причмокнул и повертел сигарету перед глазами, пытаясь разглядеть название.

Я предположил, что реплика относится к качеству сигареты, и кивнул, соглашаясь. Он презрительно скривился и, выпустив в мою сторону очередную порцию дыма, произнес:

– Киваешь, будто можешь сравнивать...

– Я – нет, но машины помнят любой продукт на элементарном уровне...

– Знаю, знаю, – перебил он, раздраженно махнув рукой. – Ну да ладно, мне пора...

Я медленно покачал головой и поднял пистолет. «Человек» настолько искренне расхохотался, что мы с напарником опешили.

– Знакомая ситуация, – сквозь смех выдавил «серый» и, не прекращая веселиться, выбил пистолет из моей руки.

После чего мгновенно сгреб меня в жесткий захват моего же собственного изобретения. От неожиданности я пропустил дополнение из пары ударов в голень и в пах. Время словно замерло. За те доли секунды, пока мой напарник прицеливался, агрессор не только обработал меня, как боксерскую грушу, но и успел произнести целую речь:

– Разумнее будет обойтись без членовредительства, брат мой. Ты не зря сомневался, прежде чем прикоснуться ко мне. Интуиция – мать информации. Вот сейчас я знаю то, что знаешь ты, плюс то, что знал раньше. Любопытный у тебя жизненный путь, но извини, если кто-то меня и остановит, то уж точно не ты, братец.

Он чуть ослабил захват, и этого мне хватило, чтобы уйти вниз. С линии огня. Пистолет Сержанта взвыл, и лишенный половины черепа песчаный маг, а это был именно он, рухнул в пыль рядом со мной.

– Почему, интересно, он дважды назвал тебя братом? – как бы между прочим спросил напарник, заглядывая в следующую комнату.

– Местный жаргон, наверное, – я на самом деле не предполагал ничего иного. – И все-таки у неформов те же недостатки, что и у людей: ну высосал ты информацию при простом прикосновении, ну применил, а речи-то зачем произносить? Ищи теперь, где вторая половина головы...

В соседней комнате мы нашли еще одного мага, но первыми на этот раз в контакт с находкой вступили парализующие наручники.

Через несколько минут мы уже летели по экстремному уровню к центру нормозоны, сопровождаемые страшным воем сирены. В грузовом отсеке бревном лежал пленник. Сержант курил, развалившись в кресле, а я пытался задремать, так как патрулирование на Земле было

низкооплачиваемым занятием, и, кроме того, мне не давала покоя мысль об отвратительной схожести ситуаций, в которых я побывал и жертвой, и палачом. Отвратительная потому, что я никак не мог решить для себя, был ли я прав сегодня, и если «да», то в чем же я пытаюсь обвинить того вражеского капитана?

– Лет двести подобной нечисти не встречали в наших местах, – нарушил молчание Сержант. – Накрылся мой отпуск.

– Ты не одинок, – подыграл ему я.

– Придется забыть так много замечательных слов: отдых, женщины, сон... – Напарник ожесточенно потряс головой.

При упоминании сна меня слегка передернуло. Внезапно промелькнула мысль о том, что капитан в эту минуту может снова оказаться поблизости, раз так ловко научился меня выслеживать. «Если гора не идет к Магомету...» Оставалось немного подождать, и тогда... На этот раз я в хорошей спортивной форме и не один. Придя к такому выводу, я успокоился и решил пополнить багаж знаний, а заодно скоротать время. До базы оставалось чуть меньше часа полета.

– Откуда взялась вся эта дрянь? Радиация?

– Кто их разберет? Половина имперской академии наук билась над этим вопросом, но так ничего толком и не выяснила. Одни говорят, виной всему локальные войны, когда скрыто применялось биологическое и химическое оружие. Другие что-то бормочут о космической радиации после исчезновения озонового слоя, третьи – о критической массе промышленных отходов. На лицо одно – природа не умирает, она приспосабливается к новым условиям, а то, что в новую картину не вписан человек, не ее вина.

– Как же так, мы за десяток лет можем терраформировать любую планету, а со своей бьемся уже три столетия, и все без толку?

– Чтобы был толк, надо прежде всего признаться себе в том, что эта Земля давно не та планета, где родилось человечество. Со старой доброй колыбелью ее связывают лишь пространственные координаты, а биосфера напрочь вычеркнула из своего жизненного цикла *homo sapiens*. Мы здесь чужаки, – Сержант погрузился и принялся разглядывать ногти.

Я тоже замолчал и уставился в иллюминатор. Полет проходил на высоте пятнадцати метров, и я прекрасно видел, что творится внизу. Пейзаж не угнетал, но и не радовал. Насколько хватало глаз расстилалась степь, просторная и ровная, как стол. Желтая высохшая трава, проплешины белой соли на незаросших участках земли, редкие чахлые кустики и ни капли воды. Огромное яркое солнце висело в зените. Ни облачка на бледно-голубом небе, ни птички на потемневших останках линии электропередачи. Тень от нашего аппарата вспугнула какое-то животное, размером с овчарку. Зверь прыгнул в сторону и, за считанные секунды развив фантастическую скорость, скрылся вдали.

– Одс, – прокомментировал Сержант.

– Кто? – не понял я.

– Очень Дикая Собака, – напарник усмехнулся. – Не до латыни, когда чуть ли не ежедневно появляются экземпляры с новыми свойствами. Вот и зовем их по наиболее характерным признакам. Пару лет назад они бегали помедленнее: километров триста в час, а теперь совсем одичали.

Напарник искренне рассмеялся над собственной шуткой. Я в ответ вежливо улыбнулся и взъерошил свои примятые шлемом волосы.

Что-то сбилось с ритма в процессе эволюции видов. Исчезла плавность. Индивидуальное развитие вдруг перестало сопрягаться с развитием вида. Сначала незаметно, исподволь, а в последнее время дикими скачками и стремительными забегами. Совсем как этот одс.

А я? Я-то кто? Вариант подобной эволюционной анархии или законный продукт последовательного развития человека? И человека ли? Сколько вопросов... Вроде бы какая разница? Любить себя я не перестану, что-то изменить не смогу... И все равно любопытно...

Машина скользнула в посадочный желоб и остановилась перед приемным модулем спецотряда.

– Привет покорителям проклятых земель, – дежурный офицер неспешно вышел навстречу и, заглянув в окошко грузового отсека, присвистнул: – А это еще что?

– В библиотеку ходить надо, – ответил Сержант, поправляя униформу. – Вызывай лабораторию. Да смотри, чтоб никто его не гладил. Опасность седьмой степени.

– Да ну? – офицер озабоченно покачал головой, видимо, впечатлила седьмая степень.

Он скрылся в «дежурке», а через минуту появился вновь.

– Вас к шефу.

Мы с напарником одновременно кивнули и бодро поплелись к главному модулю базы.

– Так-так, – шеф местного отделения «чистильщиков» с любопытством уставился на меня. – Седьмая степень, значит?

Он побарабанил пальцами по столешнице и медленно встал. Походив по кабинету взад-вперед, он остановился напротив меня и заглянул в глаза. Ростом начальник не вышел. Телосложением тоже. Но, как все невысокие люди, держал спину максимально прямо и производил достаточно приличное впечатление. Остатки волос на его маленькой голове были тщательно расчесаны на пробор, а колючие серые глаза сверлили меня миниатюрными буравчиками.

– Ты, значит, и есть Сэм-Попрыгун? – ответа ему, похоже, не требовалось.

– Если угодно... – кивнул я.

– И к нам, значит, ненадолго...

– Значит, – подтвердил я, искренне надеясь на это в душе.

– Ну что ж, помощь и от новичка – помощь. К вечеру прибудет еще одна бригада, вот только что сообщили из штаба. Черт знает кто такие, но припишем тебя к ней. А пока, значит, заканчивайте с этими песчаными гадами. Надеюсь, справитесь? – вопрос он адресовал Сержанту.

– Да мы вроде бы... – попытался возразить я, но, взглянув на Сержанта, осекся.

Он, очевидно, понимал в происходящем больше, чем я, потому что только молча отдал честь и, повернувшись «кругом», направился к выходу. Я последовал его примеру, чувствуя себя немного неловко под пронзительным взглядом начальника. У самой двери я задержался и не по уставу обратился к шефу:

– Вы мне не доверяете?

– Честно говоря, нет. Слишком ты похож на неоформа, – это слово он выговорил, на секунду сморщившись, будто лизнул лимон, – а у нас на них, сам понимаешь, почти аллергия. Но с другой стороны, им всем до тебя ой как далеко, да и пока ты на нашей стороне... – он закончил фразу неопределенным жестом.

Я кивнул и вышел в коридор, ведущий к арсеналу базы. Все знали обо мне, как им казалось, все. Популярность действительно не слабая. Как бы и мне самому разобраться в сути явления под названием Сэм, шпион его величества императора Прайма.

– Что значит «заканчивайте»? Мы же разобрались в этом вопросе? – догнав напарника, спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.